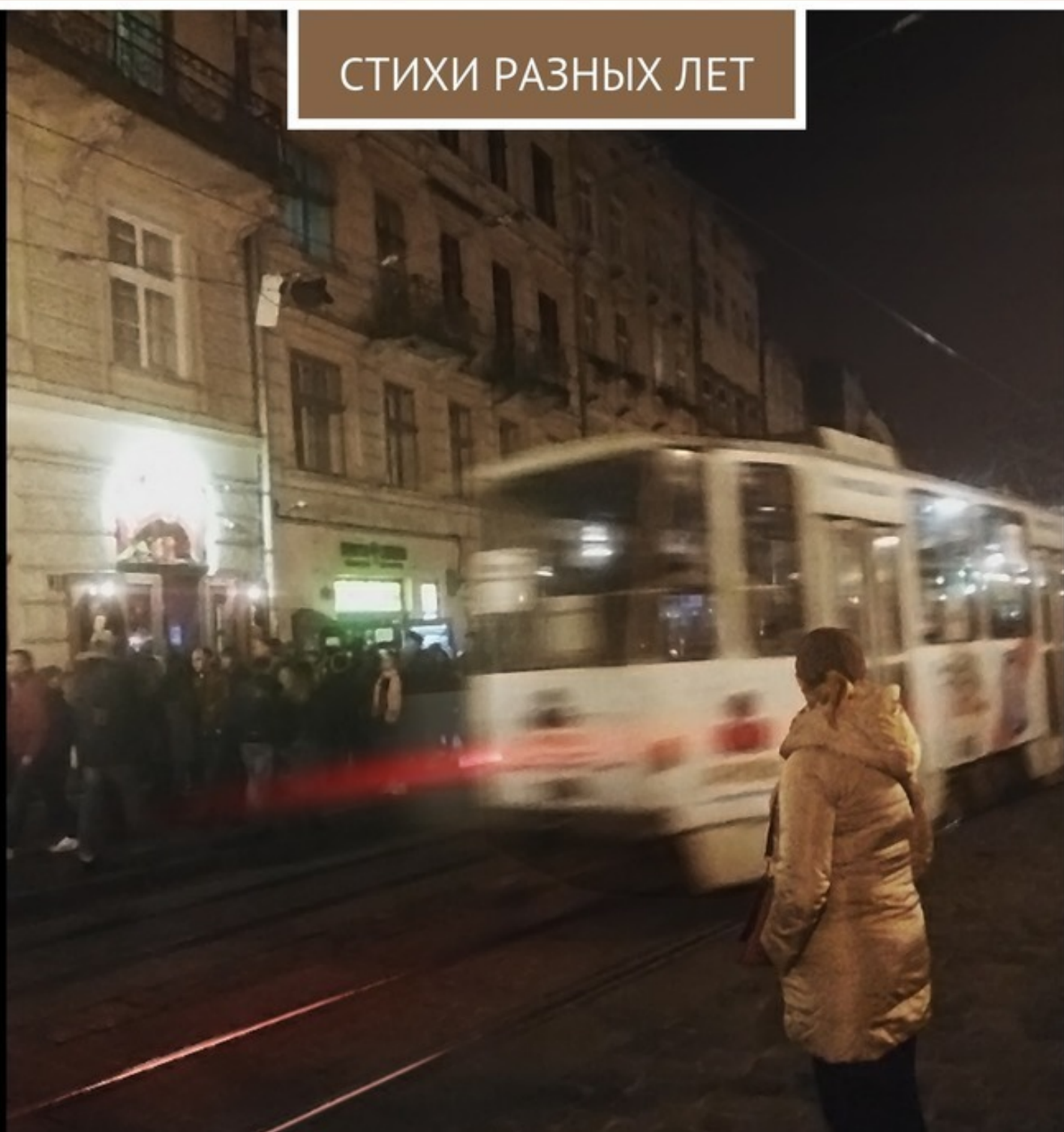

МИХАИЛ ПУЧКОВСКИЙ

В поисках ускользающей тишины

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Михаил Пучковский

**В поисках ускользающей
тишины. Стихи разных лет**

«Издательские решения»

Пучковский М.

В поисках ускользающей тишины. Стихи разных лет /
М. Пучковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850660-4

В эпоху бесконечного и оглушительного информационного шума, несущего людям рознь и взаимные претензии, негромкое поэтическое слово помогает обнаружить друг в друге то, что свидетельствует о нашем душевном и духовном родстве. Информационные технологии разделяют, но глубинная внутренняя тишина несёт весть о единстве и целостности. Погружение в тишину сердечную даёт возможность услышать то сокровенное, что примиряет и связывает, а не разделяет. Но найти внутри себя пространство тишины непросто...

ISBN 978-5-44-850660-4

© Пучковский М.
© Издательские решения

Содержание

Города, города...	6
Решено, остаюсь	7
Вифлеемский снег	8
Песни межсезонья	9
Возвращение в Москву	11
Молчание	11
Записка	11
Дорога домой	11
Возвращение	12
Розовое мгновение	13
Золотая иголка	14
Охота к перемене мест	15
Томск. Святочное утро	16
Летучий Голанец	17
Джек-Попрыгунчик	18
Бессонница	19
Утреннее	20
Чайная церемония	21
Томская колыбельная	22
Питерская колыбельная	23
Московская колыбельная	24
Сыромятники	25
Тополиный пух	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В поисках ускользающей тишины Стихи разных лет

Михаил Пучковский

Фотограф Михаил Пучковский

Фотограф Юлия Лебедь

© Михаил Пучковский, 2017

© Михаил Пучковский, фотографии, 2017

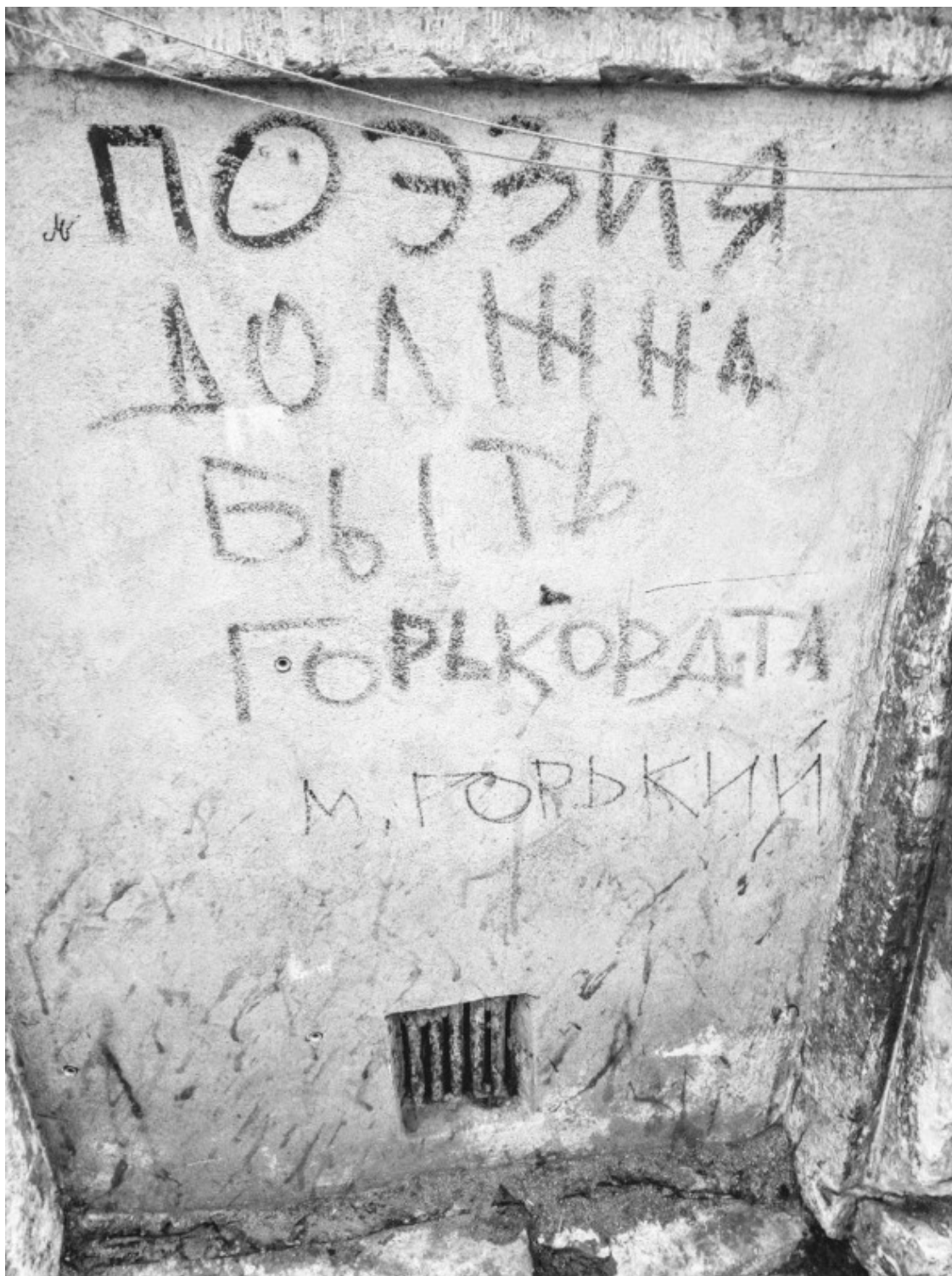
© Юлия Лебедь, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-0660-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Города, города...

Решено, остаюсь

Здравствуй, осень моя. Заскучав по дождливой поре,
Паковать чемодан ни малейшей не вижу причины.
Было время дорог – я тогда убежал в ноябре,
Уезжал к снегопадам от тёмной осенней кручины.

Это просто – сбежать, не прожить эти несколько дней
В перестуках дождей, в перекликах вороньего грая.
Наблюдать из вагона, как россыпь вокзальных огней
На перроне ночном с провожающим в бисер играет.

Это просто – уйти. Что должно, пусть случится потом.
Без меня. Без усилий. Без боли, кривой и косматой.
Этот город шумит, неусыпно гудит за окном
Монотонный мотив, не приглушенный снежной ватой.

Я хочу разглядеть, как в остывшей предутренней мгле
Зародится зима и раскатится пологом рваным.
Решено – остаюсь. И сдаюсь этой осени в плен,
Голым веткам ольхи, прелым листьям, холодным туманам.

Вифлеемский снег

Слетается, срастается, не тает,
Седой покров ложится на Покровку.
На мостовые города-Китая
Пошита снегопадами обновка.

По лабиринтам точечной застройки
Летает снег за сквозняком капризным.
Я бредил встречей с этим белым роем,
Искал в нём обещанье новой жизни.

В окне витрины видится так ясно,
Как сквозь застывшее слюдою время:
Дыханием отогревают ясли
Волы и ослик в сонном Вифлееме.

И сеет снег небесный покровитель,
И снег прорехи времени латает,
И, словно души в новую Обитель,
Слетается. Срастается. Не тает.

Песни межсезонья

2003—2011

Томск

(Осенние маячки)

...Остаться ли? Да полно, мочи нет
Топить тоску в дурманящей настойке.
Встаю. Привычно скалится мне вслед
Улыбчивая дрянь за барной стойкой.

Я одинок в осенней темноте,
На сквозняке пустынных мокрых улиц.
Иду к друзьям, но слепы окна тех.
Похоже, там давно уже уснули

И, стало быть, мне места нет. Увы...
Я слушаю, как город засыпает
Под шорох опадающей листвы,
Под тяжкий скрип последнего трамвая.

Как вздрагивают старые дома
Под стук колес по стыкам!.. Милый Боже,
Дай сил не спиться. Не сойти с ума.
Так кстати подвернувшийся прохожий

Со мною поделился табачком,
Затягиваясь, кашляет надсадно...
Во тьме осенней ночи маячком
Полоска света из чужой парадной...

Москва

(Сон о Томске)

Щемящая весенняя тоска
Пришла на смену вьюгам и морозу.
Растаял снег, и смерчами песка
Играет ветер на Кузнечном Взвозе.

Весенний воздух всё такой же пряный,
Всё так же резок ветер от реки,
Всё так же гулко хлопают дверями
Всё те же продувные сквозняки.

Весна гремит трамваем по Подгорной,
И искры рассыпает из-под дуг,
Кренится день, как ухарь подзаборный,
И вечер настанет всё так же вдруг.

Исчезли, растворились в темноте
Все кумушки в халатах и лосинах.
И слышно, как среди просевших стен
Крадется ночь с канистрой керосина.

Но нелегко жить в страхе неустанном,
Сходя от поздних шорохов с ума,
И засыпают, затворяя ставни,
Кривые деревянные дома.

И я всё дальше в темени плыву,
И всё, что было, не вернуть обратно.
Но сквозь года мерцает наяву
Полоска света из чужой парадной.

Возвращение в Москву

Молчание

Скупая боль как ржавая иголка
Суровой нитью стягивает рот.
Светает. В мае ночи так недолги.
Метет
По переулкам яблоневого вьюгой
Недолгая сибирская весна.
Похоже, лето встретим друг без друга.
До дна
Исчерпан прежний кладезь вдохновений,
Метафор, грез, катренов о весне...
Лишь лунный блик, застывший на мгновенье
На дне.
Сквозняк, ворвавшись с улицы, бумагу
Бросает на пол, треплет по плечу.
Не беспокойся, я сейчас прилягу.
Молчу...
...

Записка

Безнадежно чужая далекая близкая милая,
Я опять уезжаю, и думаю, что навсегда.
Там соседский малыш за стеной пианино насилует,
Там мучительно громко из крана сочится вода.

Чемодан наготове, мой спутник и друг обязательный.
Посижу на дорожку, плацкартный билет беребя...
Там машины, метро, там большие дома, там приятели,
Там так много всего... И не будет лишь только тебя.

Нам пророчили долгую жизнь, только где те пророчества?
Там мои старики. Видно, там в свой черед я умру.
Там как знамя полощется по-над толпой одиночество,
На московском осеннем сыром и промозгом ветру.

Дорога домой

Бежит мой поезд по земле,

Вагон качает.
Передо мною на столе
стаканчик чая

Скрипит вагон, несет меня
В родные страны,
И стрелки ложечкой звенят
О край стакана

Там наяву а не во сне
Зима настанет
И выпавший под утро снег
Уже не тает

На полустанках поезда.
В окошках звезды.
Столбы. Березы. Провода.
Вороньи гнезда.

Возвращение */В Москву/*

Я вернулся. Не злой, не обиженный,
Окруженный неверными слухами.
Пустыри и газоны засижены
Осмелевшими белыми мухами.

Снег ложится. Бреду тротуарами.
У обочин машины сутулятся,
Смотрят в спину потухшими фарами.
Ни души. Обезлюдели улицы.

Разбежались мои муравейчики
По гостиным, по кухням, по спальням.
Позадергивали занавесочки,
Позатеплили в окнах фонарики.

Приглушенная музыка плещется,
И окошки – скупые улыбочки...
Что за звон мне повсюду мерещится?
Это вечер подкрался на цыпочках,

Тихо-тихо звенит, развлекается
Сквозняком, заблудившимся в звоннице.
Тихо снежная ночь опускается,
Наливаясь тревожной бессонницей.

Розовое мгновение

Что приключилось вдруг посреди зимы?
Что изменилось на суматошном шарике?
Стелятся небом розовые дымы,
Солнце садится, тает в морозном мареве.

Небо надело розовые очки.
Как на полях заметки в карманном томике,
Скрыв на ветру слезящиеся зрачки,
Небо рисует: снег, человечки, домики...

Нежность пастельных красок сводя на нет,
Время уходит, мгновение стоит дорого:
Яблочным соком льется закатный свет,
Розовым снегом укутались крыши города.

Золотая иголка

Вечер. Ветер. Улицы столичные.
Вдоль обочин мечутся машины.
И места знакомые, привычные,
В сумерках мне кажутся чужими.

Треплет на балконах чьи-то простыни,
Рвет с веревок ситцевые платья.
Пристани меняются на ростани
На холодном ветреном закате.

Льется между клочьями летучими
Поздний луч янтарным взглядом рыси.
Тонко чертит линию над тучами
Самолётик по латунной выси.

Я в пути. И символы привычные
В этом не ищите. Не найдете.
Ничего такого необычного.
Просто небо. Просто самолётик.

Провожают взглядами недобрыми
Путников болтливые наседки.
Мы, куда б ни шли, прибудем вовремя,
Ты, летящий, я, идущий следом.

Улеглись в груди сомненья колкие,
Словно растревожен я и не был.
Самолётик золотой иголкой
Зашивает порванное небо.

Охота к перемене мест

С порога долго в ночь глядеть
Моей невесте...
Прости, но мне не усидеть
На теплом месте.

«И как тебе не надоест?
Да что ж такое?»
Охоч до перемены мест,
Мне нет покоя.

А на стекле роса – слезой.
Прощай же. С Богом!
И рвется вновь под колесо,
Зовет дорога.

В чернилах темени густой
Растаял вечер,
Лишь белый трассер осевой
Летит навстречу.

Нет-нет, да и мелькнет фонарь,
И раз от раза
Изводит светом встречных фар
Ночная трасса.

Все ярче звезды надо мной
Холодной ночью,
Висят в ложбинах пеленой
Тумана клочья.

И месяц мечется совой,
В тумане тая,
Кружит, кружит над головой
Созвездий стая...

Томск. Святочное утро

Так вдохновенно, так раскованно
Рисует нынче старый город,
Январским утром очарованный,
Окна морозные узоры.

И святочным дыханьем холода —
Морозной дымкой небо скрыто.
Увидишь ли далекий город мой
Меж строк озябшего пиита,

Моя московская снегурочка,
Таким, каким его я знаю?
По узким деревянным улочкам
Ползут промерзшие трамваи,

Трескуч мороз, под крышей глянцево
Блестят сосульки-недотроги,
Такие праздничные пьяницы
Домой плетутся меж сугробов...

Им ангелы поют, неслышимы,
И снегири порхают прытко,
И дым печной встает над крышами,
Как на рождественской открытке.

Летучий Голандец

Догорая, лиловый закат отражается в стеклах.
У фонтана толпа, мостовой не хватает на всех.
Я иду мимо летних кафе томским вечером теплым,
Там горят огоньки и мешается с музыкой смех.

От вокзала, где еле транзитный состав дотащивший,
Тепловоз маневровый мне вслед так уныло кричал,
Я спускаюсь к реке, никогда никуда не спешившей,
И смотрю без тоски на пустой и забытый причал.

Этой темной воде что за дело до сказок и мифов
О беспутных скитальцах, чья Богу не ведома цель?
Обошедший не раз всевозможные скалы и рифы,
Мой «Летучий Голландец» надежно посажен на мель.

На сыром сквозняке я в прокуренном тамбуре выстыл,
Города, километры, тревоги, ветра – за спиной.
Этот город – моя долгожданная тихая пристань,
Я пришёл, чтоб остаться, как будто вернулся домой.

Джек-Попрыгунчик

I'm Jumpin' Jack Flash!

Rolling Stones

Над городом N поднимается ночь.
Сбежать от себя, как обычно, не прочь
Я в улиц пустеющих гулкую глушь.
Я – Джек Попрыгунчик, и всё это – чушь.

Ночной самолетик в заоблачной мгле
Фонарик Полярной несет на крыле.
И, вздрогнув от гула, я тихо шепчу:
«Я – Джек Попрыгунчик, и всё это – чушь...»

Курю на балконе одну за одной,
Тревога чуть слышно сопит за спиной
И гладит, вздыхая, меня по плечу...
Я – Джек Попрыгунчик, и всё это – чушь.

Прыг – снова в кармане обратный билет.
Скок – денег на пиво по-прежнему нет.
Мне сильно за тридцать, а я все скачу...
Я – Джек Попрыгунчик, и всё это – чушь.

Бессонница

Не спится, напарник? Кабина пропахла автолом.
Бессонница дальней дороги – спасения нет.
В далеких полях меркнет сонного Ачинска свет,
Встают из колючей зимы огоньки Боготола.

Должно быть, под Томском ударит мороз спозаранку.
Туман над дорогой. Огни встречных фар не видны,
Лишь катится сбоку щербатая решка Луны —
Нас ночь развлекает заоблачной лунной орлянкой...

Утреннее

Полная заспанных мятых сардинок,
Тихо фырчит жестяная коробка.
Тесный уют в теплых недрах коробки,
Ты – у окошка, в ее сердцевинке.
Стиснута вялым течением пробок,
Стихла вокруг суета городская.
Радостный, тихий, умиротворенный,
Ты замечаешь вокруг, просыпаясь,
Стаю грачей на бульварных газонах,
Черными пятнами в густозеленом.
Желтым – березы опавшие листья,
Рыжие пятна рябины и клена,
Точность мазка, неподвластная кисти.
В редком луче неожиданно розов
Инея след на сухих скамейках,
Ранний предвестник грядущих морозов.
Эх, пошуршать бы листвою в аллеях...
Скоро озябнут все эти аллейки,
Скоро их теплой периной застелет.
И, не жалея что кануло лето,
Масло пейзажа сменяя пастелью,
Небо сквозь дымку струит полусветы,
Где-то в Москве, на окраине где-то.

Чайная церемония

Сумерки пахнут чаем.
Сумеречничаем.

Не зажигая света,
Мы провожаем лето.

Губы закат заваркой
Не обжигает, яркий

Отблеск окон пожарный,
Темно-алый, янтарный...

Лето было – и сплыло,
Выгорело, остыло.

Утро начнется в восемь,
Завтра проснемся в осень.

Завтра проснемся где-то
В год жизни от лета.

Что же – до скорой встречи.
В кружках дымится вечер.

Сумерки пахнут чаем.
Сумеречничаем.

Томская колыбельная Коридоры Томского НИИ онкологии

Сонная бабочка бьется в оконце.
Солнце не спящего – матовый шар.
Тихо. Так тихо – до звона в ушах.
Звон бесконечных больничных бессонниц.

В дальней палате не стонет старуха.
Тихо. Услышать себе не позволю
Как на пределе усталого слуха
Вьется комариком тонкая боль.

...Слепы глаза незашторенных окон,
Серое утро сочится сквозь них.
Гасят светильники. Скоро умолкнет
Шепот шагов в коридорах пустых.

И, сквозняком между створок окна,
Тихо огладив виски мягкой лапочкой,
Вновь принесет тебе сонная бабочка
Пару часов драгоценного сна...

Питерская колыбельная

Ночь, присыпанная мелом,
Подступила тихой сапой.
Словно нянька у постели,
Под журчанье колыбельной
Гладит город мягкой лапой.

Ветерок сменился штилем,
Небо прилегло на крыши
Серой молью, белой пылью,
Уколовшись острым шпилем,
Ни на миг не стало выше.

Под небесным одеялом
До трамвайных перезвонов
Спят дома, дворцы, вокзалы,
И на улицах усталых
Лишь собаки да вороны.

Московская колыбельная

Скользит по внуковской глиссаде
Ночной бесшумный самолётик.
На шпилях башенных в тревоге
Мерцают алые огни.
И шёпот в тишине – надсаден,
И гулки лестницы пролёты,
Но всё стихает понемногу.
Москва уснет, и ты усни.

Фонарики чужого быта
Как угли – теплятся и гаснут,
И в этой суете оконной
Почти не различим уже
Затерянный и позабытый,
Размытый, сумрачный, неясный
Квадрат окна, немой и сонный,
На предпоследнем этаже.

Из темноты выходит выюга
И вьется за стеклом оконным
Той комнаты, пустой и тесной,
Где мне привиделось в тоске,
Что мы не обрели друг друга,
Что пропасть подо мной – бездонна,
Что дом над полусонной бездной
Повис на тонком волоске.

Но через время, сквозь пространство,
Всю ночь, горя и не сгорая,
Плывет к непостижимой цели
Лампадки крохотной огонь.
Согреты этим постоянством,
Мы ощущаем, засыпая,
Как мир – огромной колыбелью —
Качает тёплая ладонь.

Сыромятники

Во сне заплутал переулками детства.
Куда мне от вас, Сыромятники, деться?
Здесь всё, что не сказано и недопето,
Все прочие «не» и все прочие «недо»...

Пригрелись на солнце бездомные шавки.
Вот скверик, где у керосиновой лавки
Мамаши с колясками чинно гуляли.
Двухлетка укутанный с ними – не я ли?

На лавочке узенькой дряхлые бабки
В пальтишках и в ботах, в платочках и в шапках...
Мне вслед обернулись – а как же иначе?
Откуда, к кому? Есть, о ком посудачить.

Там ясень столетний ссутулился криво.
Там бабушка с дедушкой всё ещё живы.
Там лампа в прихожей годами не тухнет,
Там газ подвывает в колонке на кухне.

Несёт от реки холодком неуютно.
Вон мостик горбатый над Яузой мутной,
Заборы, кусты, заводская управа...
Куда же мне дальше? Налево? Направо?

В знакомых местах не найду себе места.
Как сыростью тянет из старых подъездов!
Дверями сквозняк где-то хлопает хлётко.
Разбито окно и на крыше – берёзки.

Бегу, старой улицы не узнавая,
И рвёт тишину громкий скрежет трамвая.
Вдоль старой казармы, тяжёлый, небыстрый
Трамвай громыхает, и сыплются искры.

Догнать, на ходу прицепиться к вагону,
Уехать, уехать от мороков сонных.
А створки дверей так беспомощно узки...
Куда ты, вожатый? Лефортово? Курский?

«Кого ты забыл здесь? Куда тебе надо?
Ты знаешь, ты местный» – смеётся вожатый.
Смеётся вожатый, а мне не до смеха.
От сна к пробуждению уехать. Уехать.

Тополиный пух

В сторонке от бурливого и гулко
Движенья, что не смеет уставать,
На солнышке пригревшись переулками,
Тихонько дремлет старая Москва.

Покуда тихо, солнечно и сухо,
До шалости, до искры, до поры
Благое лето тополиным пухом
Укутало тенистые дворы.

Воспоминанье – бликом, алым зайчиком,
Как искра детских озорных костров.
Не я – другие маленькие мальчики
Дворами жгут тот неземной покров.

И вспыхивает так легко и радостно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.